

Тот человек безэмоционально взглянул на него и, не успев заговорить, как из главной комнаты во двор, одетый лишь в жилет поверх нижней рубашки, вышел Лу Сяо. Он бодро крикнул:

— Нин Хуай, иди скорее в дом, я нашёл новую книжку с историями!

Прошло полдня, но ответа не последовало. Лу Сяо, озадаченный, сделал несколько шагов вперёд и оказался лицом к лицу с чиновником Ци, стоявшим у входа. Они молча смотрели друг на друга.

В конце концов, Лу Сяо, собравшись с духом, заговорил первым:

— Брат, это господин Ци, вероятно, у него есть ко мне дело.

Лу Сюэхань ответил:

— Понял.

Затем он сунул грелку в руки Лу Сяо и холодно произнёс:

— Проводи господина Ци внутрь, не дай ему замёрзнуть.

Ци Цзяньсы подумал, что это, несомненно, старший брат Лу Сяо, но чувствовал какую-то странность. И лишь когда Лу Сяо проводил его во внутренние покои, Ци Цзяньсы наконец понял, откуда она исходила.

Жилище Лу Сяо, хоть и не было роскошным особняком знатного рода, представляло собой вполне уютный двор со всем необходимым. Однако, кроме этих двух братьев, во дворе не было ни служанок, ни слуг. Ци Цзяньсы ничего не знал о семейных обстоятельствах Лу Сяо, и, попав в этот пустынный «дом», он снова был ошеломлён.

— Господин Ци, вы пришли ко мне по какому-то делу?

Лу Сяо не дал ему времени на дальнейшие размышления, спросив напрямую.

Ци Цзяньсы ответил:

— После того дня, когда мы вернулись из Терема Юэцзян, я услышал, что вы, господин Лу, были без сознания два дня и лишь недавно немного оправились. Поскольку в тот день я тоже присутствовал, то хотел спросить о вашем нынешнем состоянии... Всё откладывал и откладывал, и вот добрался только сегодня.

Лу Сяо переспросил:

— Что?

Ци Цзяньсы, выпрямившись, ждал его ответа, но Лу Сяо, глядя на него, с недоумением спросил:

— Вы сказали, что в тот день тоже были в Тереме Юэцзян?

Ци Цзяньсы опешил.

Его изящные брови нахмурились, и он холодно произнёс:

— Я, видимо, зря беспокоился. Раз господин Лу в полном порядке, я позволю себе откланяться.

С этими словами он взмахнул рукавом, собираясь уйти. Лу Сяо, совершенно сбитый с толку, в порыве нетерпения схватил его за запястье и буквально усадил обратно на деревянный стул.

Лу Сяо, осознав свою оплошность, смущённо отпустил руку и извинился:

— В тот день я был настолько пьян, что ничего не соображал. Помню только Нин Хуая и, кажется, ещё кого-то рядом. Очнулся лишь спустя два дня и решил, что всё привиделось в пьяном угаре. Не думал, что этот человек действительно существовал и что это вы, господин Ци.

Выражение лица Ци Цзяньсы немного смягчилось, он лишь холодно кивнул.

Лу Сяо быстро проанализировал ситуацию в уме. Вероятно, этот болван Нин Хуай встретил по дороге Ци Цзяньсы, и тот выведал у него всё за несколько фраз. Скорее всего, именно Ци Цзяньсы помог ему тогда выбраться из Терема Юэцзян.

Лу Сяо понял, что на этот раз Ци Цзяньсы протянул ему руку помощи в ответ на его прежнее проявление доброй воли. Он почти не сомневался в этом, и сердце его немного смягчилось. Он небрежно изменил обращение:

— Брат Ци, не сердись, это я виноват, что смог забыть такую важную вещь.

Ци Цзяньсы слегка кашлянул, его взгляд блуждал. Такой мягкий тон Лу Сяо невольно заставил его вспомнить того пьяного юношу, который смотрел на него полужакрытыми, затуманенными глазами.

Но Ци Цзяньсы оставался холодным, ведь он тут же вспомнил, что Лу Сяо тогда называл его «сестричкой-красавицей».

Лу Сяо, видя его нерешительное выражение, не мог угадать его мысли и просто протянул коробочку с грецкими орешками в сахаре:

— Брат Ци, хочешь попробовать?

Спустя несколько мгновений Ци Цзяньсы взял орешек и с лёгкой усмешкой произнёс:

— Не знал, что ты любишь такие сладости.

Отлично, он больше не хмурился и не называл его официально «господином Лу». Лу Сяо улыбнулся:

— Ага, сладкое-сладкое, съешь — и настроение поднимается. Попробуй, не пожалеешь.

Лу Сяо, подперев подбородок рукой, смотрел на него. Глазами он любовался красавцем, поедающим сладости, а в душе думал, что этот человек и вправду невероятно хорош собой, и улыбается он ещё прекраснее, чем с серьёзным лицом. Лу Сяо с сожалением вздохнул: в прошлые годы он, неведомо как, сумел ему насолить, упустив возможность подружиться с такой красотой. К счастью, сейчас ещё не поздно.

В комнате не курили благовония, но витал лёгкий аромат цветов и трав. Внезапно раздался стук в дверь. Лу Сяо встал, чтобы открыть, и увидел Лу Сюэханя с двумя чашками тёплого чая. Он тут же принял их и с упрёком сказал:

— Брат, зачем ты сам пришёл с такими пустяками?

Взгляд Лу Сяо, даже когда он не улыбался, излучал некую теплоту. Лу Сюэхань не смотрел на него, а обратился в сторону Ци Цзяньсы:

— Кроме молодого господина Нина, редко кто из друзей Сяо навещает его. Дом у нас тихий, да и слуг нет, вот я и побоялся, что господин Ци почувствует себя не в своей тарелке.

Ци Цзяньсы привстал и сказал:

— Господин Лу... старший брат, вы очень внимательны. Я просто беседовал с Лу Сяо, и мне жаль, что вас побеспокоили.

Деревянная дверь была слегка приоткрыта, и холодный ветерок проникал внутрь. Лу Сюэхань вдруг улыбнулся и, встретив холодный воздух, вышел, оставив комнату вдвоём Ци и Лу.

Ци Цзяньсы держал в руках чашку чая, на его лице читалось колебание.

— Ну, вот, как видишь, хозяева этого двора — только брат и я, — Лу Сяо, понимая его недоумение, сам начал объяснять. — Я сирота, в детстве брат спас мне жизнь, и с тех пор мы как-то перебиваемся вдвоём. Живём всего вдесятером, много прислуги и не нужно. Как жил до того, как стал чиновником, так и живу сейчас.

Зрачки Ци Цзяньсы внезапно сузились. Лу Сяо приподнял бровь:

— Что? Только не вздумай из жалости захотеть стать мне приёмным отцом.

— Не болтай глупостей! — Ци Цзяньсы нахмурился и рукой прикрыл не сдерживающий язык рот Лу Сяо. Лу Сяо, не ожидавший такого, выдохнул тёплый воздух на его прохладную ладонь. Лу Сяо не придал этому значения, отвёл его руку и хихикнул:

— Видишь, я же говорил, что уже начал мной командовать.

Ци Цзяньсы наконец понял, что привычка зажимать этому парню рот появилась не из-за заразы от Нин Хуая, а исключительно по его собственной вине.

В этом мире у каждого есть свои неизвестные страницы прошлого. Молодой человек, ставший первым на императорских экзаменах, человек, который, находясь в водовороте событий, смог на деле отказаться от погружения в трясину, — он и так в определённом смысле был сильной личностью и совершенно не нуждался в чьей-либо жалости.

Ци Цзяньсы, редко проявлявший такт, просто сказал:

— Не беспокойся, у меня нет и мысли без причины становиться тебе на поколение старше.

— Ладно, тогда я тебе поверю, — скучающим тоном произнёс Лу Сяо. — Кстати, с тех пор как меня отстранили от должности, прошло уже больше полумесяца, и я ни разу не выходил за ворота. Ты — третий живой человек, которого я вижу за это время.

Ци Цзяньсы поставил чашку и серьёзно спросил:

— А думал ли ты о том, что будет через три месяца, когда тебя восстановят в должности?

— А будет ли этот день? — Лу Сяо усмехнулся. — Министерство налогов дало причину — внезапная тяжёлая болезнь, и это хорошо. Ещё спасибо тебе, что в тот день привёз меня обратно, иначе причиной могло бы быть «нарушение законов нашей династии, недостойное поведение, пятиранговый ланчжун Министерства налогов Лу Сяо лишается жалования на три месяца для размышлений о своих ошибках дома». Внезапная тяжёлая болезнь... тяжёлая болезнь может пройти через три месяца, а может быть и неизлечимой, и силы небес тут не помогут.

Ци Цзяньсы молчал. Лу Сяо вдруг сменил тему:

— Ци Цзяньсы, можем ли мы с тобой теперь считаться друзьями?

В комнате воцарилась тишина.

Лу Сяо подумал: вот и всё, проявлять инициативу в установлении дружбы было ошибкой, не стоит быть слишком самонадеянным.

— Зови меня Чжией, — сказал Ци Цзяньсы. — Чжией, моё второе имя.

Лицо Лу Сяо озарилось улыбкой, в его глазах стало ещё больше тепла, и он, с улыбкой в ясных глазах, произнёс:

— Хорошо, Ци Чжуйюй.

Он сделал вид, что расстроен:

— Что же делать, у меня ведь ещё нет второго имени.

Сердце Ци Цзяньсы дрогнуло:

— Я слышал, как Нин Хуай обычно зовёт тебя Асяо, можно и мне так звать?

— Конечно, — выражение лица Лу Сяо стало серьёзным. — Раз уж мы друзья, то слушай внимательно. Чжуйюй, ты, конечно, знаешь, почему меня отстранили от должности, поэтому не вздумай делать глупости вроде восстановления справедливости или возвращения меня на пост.

Ци Цзяньсы был ошеломлён. Лу Сяо словно прочитал его мысли, и он, конечно, не собирался сдаваться:

— Почему?

— Ты подаёшь советы императору, наблюдаешь за чиновниками, но Цао Цинъюнь — всего лишь купец, а евнух Цао — приближённый императора, относится к внутренней дворцовой службе, всё это не в твоей компетенции. Если ты заговоришь об этом, это будет превышением полномочий.

— Тебе не нужно об этом беспокоиться...

— Почему мне не беспокоиться? У тебя наверняка есть другие способы вынести этот вопрос на обсуждение при дворе, но я не хочу, чтобы ты брал на себя ещё что-то.

Ци Цзяньсы, не желая сдаваться, твёрдо сказал:

— Ты забыл, я же говорил тебе, что это моя обязанность.

Лу Сяо вдруг рассмеялся:

— Ци Чжуйюй, ты что, думаешь, я глупый?

Ци Цзяньсы не понял, к чему он клонит, и неуверенно ответил:

— Нет.

— Тогда просто ходи на свои заседания и не лезь в это дело, когда придёт время, у меня будут свои методы.

<http://bllate.org/book/15439/1369296>